

Владимир Кунин

Двухместное купе

ФТМ

Владимир Владимирович Кунин

Двухместное купе

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128520

Двухместное купе: Агентство ФТМ, Лтд.; Москва; 2020

ISBN 978-5-4467-2972-2

Аннотация

Пожилой писатель Владимир Владимирович многое повидал на своем веку и давно не верит ни в Бога, ни в черта. Однако, похоже, ему придется пересмотреть свои взгляды: не просто оставаться циничным материалистом, если ваш попутчик в купе ночного экспресса – самый настоящий ангел-хранитель. Пока поезд мчится из Москвы в Петербург, писателю предстоит услышать и увидеть непростую историю трех поколений одной ленинградской семьи. Эта история вовсе не похожа на добрую сказку: в ней хватает и бед, и крови, и отчаяния – от которого, оказывается, не застрахованы даже ангелы.

Книга также выходила под названием «Ночь с Ангелом».

Содержание

Первая серия	5
Аэропорт Шереметьево-2. Вечер	5
Беспошлинный магазин аэропорта	8
Дорога из аэропорта Шереметьево в Москву	11
Вокзальный перрон у состава «Красной стрелы»	16
Коридор вагона «Красной стрелы»	21
Двухместное купе вагона «Красной стрелы»	22
Ночь. Мчится «Красная стрела» в Санкт- Петербург...	32
Шестое купе Ангела и В. В.	33
Небо. Школа ангелов. Совсем иное измерение...	46
Всевышний Ангельский Ученый Совет	51
Шестое купе вагона...	54
Вторая серия	55
Ночь. Мчится в Петербург «Красная стрела»	55
Купе Ангела и В. В.	56
...прихожую маленькой квартирки Лифшицев	59
Проход по дворам и выход на улицу Ракова	61
Фирочкина квартира	62
Домовая контора	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Владимир Кунин

Двухместное купе

© Текст. В. В. Кунин, наследники, 2020

© Агентство ФТМ, Лтд., 2020

Первая серия

Аэропорт Шереметьево-2. Вечер

У выхода из «зеленого коридора» стояли десятка три встречающих. И еще полтора десятка почти одинаковых мужичков с вертящимися автомобильными ключами на указательных пальцах – шоферы такси, так называемые аэродромщики, и представители гигантского племени московского частного извоза.

Однако наше внимание в этой толпе привлекут всего три человека:

высокий толстый бородатый мужчина лет пятидесяти...

...и двое молоденьких пареньков – лет по двадцать пять.

Один из них держал в руке микрофон с эмблемкой какой-то телевизионной компании, второй поправлял на плече профессиональную видеокамеру «Бетакам».

Микрофон одного был соединен кабелем с камерой другого, и поэтому они не могли отойти друг от друга больше чем на пару метров.

– Произвел посадку самолет «Аэрофлота», рейс пятьдесят восемь ноль шесть, из Мюнхена! – сообщил радиоголос.

Толстый бородач посмотрел на часы и спокойно остался стоять на месте.

Паренек с микрофоном засуетился, стал заглядывать в блокнот.

– Не дергайся ты, как свинья на веревке, – сказал ему оператор. – Пока их выгрузят, пока этот старый хрыч пройдет паспортный контроль, пока промудохается со своим багажом и разберется с таможей, ты все свои вопросики успеешь наизусть выучить. Ты хоть знаешь, как он выглядит?

– Издеваешься? С каких это радостей?! В редакции дали его последнюю книжку – на обороте обложки есть его фотография.

– Ну-ка, ну-ка, покажи...

Репортер залез в сумку, вытащил яркую книжку в аляповато-базарной обложке и показал ее своему оператору.

Огромный толстый бородач улыбнулся, увидев, как два телевизионщика разглядывают фотографию автора книги – пожилого человека с иронической ухмылкой.

– Не волнуйтесь, – сказал бородач. – Я покажу вам его.

– Вы знакомы с ним? – тут же повернулся к нему оператор.

– Почитывал когда-то.

– Не знаете, как его отчество? – поинтересовался репортер. – А то написано тут только – «Владимир...», а как по отчеству, ни хрена нету.

– Владимирович, – сказал бородач.

Репортер повертел книжку в руках, тихо процедил оператору:

– Ну почему, почему мы должны мчаться в Шереметьево,

снимать никому не нужный сюжет про этого старика, вместо того чтобы сделать конфетку об открытии циркового сезона на Цветном бульваре? Вечно мы с тобой в какое-нибудь дерьмо вляпаемся...

Оператор опасливо оглянулся на толстого бородача и тихонько сказал на ухо репортеру:

– В редакции говорили, что этот старик – жуткий поддавальщик!

Беспошлинный магазин аэропорта

Старик, фотографию которого мы видели на задней стороне обложки его последней книги, уже прошел паспортный контроль и сейчас покупал в беспошлинном магазине большую бутылку английского джина «Бифитер».

Он заплатил в кассу, отказался от фирменного пластикового пакета, расстегнул молнию на свисавшей с его плеча спортивной сумке, вытащил оттуда пустую полулитровую пластиковую бутылку из-под «Гордон-джина», выбросил ее в мусорную урну, а полную бутылку «Бифитера» заботливо спрятал в свою большую спортивную сумку.

Перекинул сумку через плечо и пошел мимо пассажиров, ожидавших свой багаж, прямо к выходу – к «зеленому коридору».

Одет старик был крайне легкомысленно и по российским понятиям явно не по возрасту: на нем были дорогие, модные и достаточно пижонские туфли, старенькие, основательно вытертые джинсы, выдавшая виды светло-коричневая кожаная куртка, из-под которой выглядывала чуть ли не до пупа расстегнутая красная рубашка.

На ходу старик выщелкнул из пачки «Мальборо» сигарету, закурил и вышел к встречающим...

...И тут же увидел возвышающегося над всеми толстого

бородача!

Старик ухмыльнулся, направился было к нему, но бородач из-за спин телевизионных пареньков глазами и пальцем указал ему на микрофон и камеру. Старик тут же подмигнул бородачу и погасил улыбку.

– Вот и ваш персонаж, – негромко сказал телевизионщикам толстый бородач и указал им на старика со спортивной сумкой через плечо.

– Свет! – скомандовал репортер оператору.

Вспыхнул яркий свет над камерой оператора. Репортаж начался.

Репортер рванулся навстречу старику в джинсах и вызывающе красной рубаше.

– Здравствуйте, дорогой Владимир Иванович! Телевизионный канал...

– Владимирович, – недобро поправил старик репортера. – Семьдесят пять лет как Владимирович. Ничего страшного, валяй дальше. Потом при монтаже выбросишь. Спрашивай, только в темпе. А то мне еще на Ленинградский вокзал нужно успеть, чтобы к «Стреле» не опоздать. Впрочем, могу облегчить тебе жизнь, сынок. У тебя наверняка за пазухой есть потрясающе неожиданный вопросик – почему я живу в Мюнхене?

Репортер заглянул в блокнотик, растерянно подтвердил:

– Да, есть. А правда, почему?..

– Отвечаю весело и непринужденно: Мюнхен для меня –

это мой последний Дом творчества. Раньше я сочинял все свои киносценарии и книжки под Ленинградом, в Репино, в Доме творчества Союза кинематографистов. Потом мне там стало скучно и я поменял Дом творчества в Репино на небольшую квартиру в Мюнхене. Исключительно ради смены обстановки и вполне простительного старческого любопытства. А в Москву и Ленинград я теперь прилетаю продавать сочиненное там. Давай, сынок, спрашивай дальше! Но предупреждаю, будь осторожен: если ты попытаешься задать мне очень оригинальный, поразительно редкий и абсолютно свежий вопрос в современной журналистике – «Каковы ваши творческие планы?», я соберу остатки всех своих стариковских сил и попытаюсь задушить вас обоих!

Тут молоденький телеоператор посмотрел на растерянную физиономию своего коллеги-репортера и заржал в голос так, что свет от его камеры запрыгал по лицам толпы встречающих, таксистов и водителей-частников...

Дорога из аэропорта Шереметьево в Москву

По шоссе мчится американский «форд-таурус».

На большой скорости обгоняет другие машины и справа, и слева, нагло прорывается в каждую дырку, время от времени даже вылетает на полосу встречного движения...

За рулем «форда» сидит толстый бородач. Рядом с ним – старик, прилетевший из Мюнхена. Владимир Владимирович.

– Яйца тебе нужно оторвать за такую езду, – спокойно говорит В. В.

– Давненько ты не брал в руки шашек, – рассмеялся бородач.

– Что?

– Я говорю – давненько ты по Москве не ездил! Катаешься по своим вылизанным немецким автобанам и чистеньким баварским улочкам и в ус не дуешь. А мы тут как в прифронтальной полосе: днем по три часа в пробках торчим, на говно исходим, а вечерами носимся как умалишенные. Тем более что мы с тобой оба опаздываем! Ты – на поезд, я – на съемку. Хорошо еще, что у меня смена ночная, а то я и в аэропорт не приехал бы. Я ведь тебя даже проводить не смогу. Кстати, а почему ты не сразу в Петербург, а с заездом в Москву?

– На Ленинград билетов не было. – В. В. устало глазел по сторонам. – Ты мою рукопись издателям передал?

– Даже аванс за тебя получил и уже перевел на твой мюнхенский счет.

– Сработала моя доверенность, проштемпелеванная русским генеральным консулом?

– В лучшем виде! – Но тут бородач встревожился: – Может быть, я поторопился с банковским переводом и тебе деньги здесь нужны?

– Плюнь. Есть у меня деньги...

– Слушай, Вовик, раскрой жгучую тайну – какого хрена ты расплевался с питерскими издателями и переметнулся в столицу? – спросил бородач. – Они же черт-те сколько тебя издавали и переиздавали...

– Я не расплевывался с ними. Я просто тихо унес ноги.

– Но почему?!

– Видишь ли, они так долго и мелочно обманывали меня, а я так долго и тоскливо делал вид, будто верю им, что они перестали даже скрывать свое презрительное отношение ко мне как к заграничному недоумку. Который сочинить еще что-то способен, а вот врубиться в тончайшие нюансы истинно «деловой жизни сегодняшней России» – ну нипочем не в состоянии!

– Тогда на кой хрен ты сейчас мчишься в эту колыбель трех криминальных революций?! – удивился бородач. – Оставайся в Москве, я устрою тебя в «Пекине» – площадь

Маяковского, пуп Москвы, четыреста метров от ресторана Дома кино, где ты в свое время оставил кучу денег, по старому пересчету – штук пятнадцать «жигулей». Этот ресторан сейчас переживает не лучшие времена, так что тебе там все будут очень рады! На кой черт тебе Питер?

– А внучка Катя? А оплатить ее очередной институтский семестр? А пошляться по Репино? А поваляться в собственной, а не в наемной квартире, на своей старой, продавленной тахте?.. Поглазеть настоящие программы русского телевидения, где разговаривают если не всегда грамотно, зато исключительно на нашем родном, великом и могучем... – вяло возразил В. В.

– По-моему, ты это все себе напридумывал! – сказал толстый бородатый Андрюха. – Оставайся! Завтра я отосплюсь после ночной съемки, и мы с тобой, старикашка, завьемся веревочкой!..

– Наверное, я действительно что-то себе напридумывал, – согласился В. В. – Кроме внучки Кати. Скорее всего, я только из-за нее и еду туда...

– Уважаю, – сказал бородач. – А что ты там плел в аэропорту этим ребятам с телевидения? «Последний Дом творчества»... То-се, пятое-десятое...

– Знаешь, Андрюша, за последние тринадцать лет моего мюнхенского бытия кто только не брал у меня интервью! И наши, и немцы, и американцы, и французы, и итальянцы... И все задавали один и тот же вопрос: «Почему вы живете

в Мюнхене?» И поначалу я тупо и подробно объяснял, что это временно и вынужденно. Что когда моей жене Ире в ленинградском Институте онкологии собрались делать вторую операцию по поводу рака груди, то меня попросили обязательно принести перевязочный материал – у них его не было. И я привез. А после операции заявили, что у них нет медикаментов для проведения химиотерапии. Профессор, который ее оперировал, сказал мне тогда открытым текстом: «Хочешь спасти жену – увози ее отсюда!» Я улетел в Мюнхен к министру культуры Баварии, показал ему свои книги на семнадцати языках, изданные в двадцати трех странах, всю германскую прессу о моих книжках и фильмах и все справки из Института онкологии, переведенные на немецкий язык. И на следующий день мы получили бессрочные визы. Потом, уже в Мюнхене, у нее была еще одна – третья! – пятичасовая операция: метастазы в печени... И меня там никто не просил принести в клинику бинты и вату. Теперь, как ты знаешь, она жива и здорова... Вот почему я по сей день живу в Мюнхене. Ты хотел, чтобы я ЭТО все рассказал тем двум телевизионным паренькам в Шереметьево?

– Прости меня, – тихо сказал толстый бородач.

– Жаль, что ты сейчас не можешь выпить со мной за ее здоровье, – усмехнулся В. В.

Он раскрыл свою спортивную сумку, вытащил бутылку «Бифитера», отвинтил пробку, сделал хороший глоток из горлышка и сокрушенно сказал, утираясь рукавом:

– Ну ведь покупал джин, склеротик старый! Что стоило еще и тоник прихватить?

...А потом, издалека, мы увидим, как этот «форд» подкатит к Ленинградскому вокзалу, остановится в застывшем привокзальном автомобильном стаде и из «форда» вылезет человек в красной рубашке и кожаной курточке, с большой спортивной сумкой через плечо.

«Форд» сорвется с места и мгновенно вольется в вечерний поток Комсомольской площади...

...а маленькая фигурка В. В. еще чуточку задержится, глядя «форду» вслед, а потом неспешно побредет к вокзальному входу...

Вокзальный перрон у состава «Красной стрелы»

Перрон был еще почти пуст, двери вагонов закрыты.

Одетые в одинаковую форму носильщики составили свои тележки в круг, покуривали и трепались с милиционерами, вооруженными короткими автоматами.

В. В. шел по пустынному перрону, поглядывал на часы.

Остановился у компании носильщиков и милиционеров, спросил, указывая на состав «Красной стрелы»:

– Не скажете, когда посадку объявят?

Обладатели тележек и автоматов без малейшего интереса молча оглядели старого В. В. в красной рубашке и джинсах, и только через паузу кто-то ответил:

– А у их – демократия! Каждый день по-разному. Когда за двадцать минут до отхода, когда за полчаса. Как бог на душу положит.

– Погуляй, дедок, погуляй. Подыши свежим воздухом, – посоветовал В. В. молоденький милиционер и ласково погладил свой автомат по пластмассовой рукоятке.

В. В. посмотрел на вооруженного мальчишку тяжелым глазом и пошел к своему вагону.

Пожилой носильщик неодобрительно проворчал молоденькому милиционеру:

– Ты как с людьми разговариваешь, лимита необучен-

ная?! Ты чего, с ним коров пас у себя на Рязанщине? Какой он тебе дедок, раздолбай губастый? Ты чего ему тыкаешь? Не знаешь человека, а...

– Да ладно вам, дядя Петя! – рассмеялся молоденький милиционер. – Не видно, что ли? Ему на погост пора, а он в красную рубаху вырядился! Клоун какой-то старый, да еще и поддатый...

– А чем он поддатый, ты не унюхал? – со знанием дела возразил пожилой носильщик. – Ежели по запаху судить, так он, может, депутат Государственной думы... Может, из Администрации Президента. Или олигарх какой!

– Скажете тоже... – перетрусил молоденький с автоматом.

– У меня глаз пристрелявший, – сказал пожилой носильщик. – Они теперь как из Кремля или еще откуда с работы выйдут, так сразу же переодеваются кто во что, и пожалте... Разберись – кто он такой!

А в это время В. В. надевал на ходу очки, всматривался в билет, сверяясь с номерами вагонов...

У «его» вагона дверь была открыта, и проводник – в рабочих рукавицах, без фуражки, в синем сатиновом халате поверх униформы – мягкой тряпкой протирал вагонные поручни.

– Здравствуйте, – сказал ему В. В.

Проводник не ответил. Даже не повернулся к В. В.

– Я могу войти в вагон? – слегка раздраженно спросил В.

В.

– Посадку объявят – и войдете, – не поворачиваясь и не прекращая надраивать поручни, сказал проводник.

– А когда объявят посадку?

– Когда положено – тогда и объявят.

Проводник закончил протирать поручни и, не глядя на В. В., прошел в вагон, плотно закрыв за собой дверь.

В. В. сплюнул, вытащил из кармана пачку «Мальборо», закурил.

Потихоньку к закрытым вагонам стали подтягиваться ранние пассажиры...

В. В. стоял на перроне, курил. Внимательно вглядывался в людей, идущих мимо него, словно хотел увидеть знакомое лицо...

Около В. В. остановились две совсем молоденькие проститутки.

– Дедуля! – сказала одна. – Возьми нас с собой. Мы тебе за это чего хочешь сделаем и покажем! Такую лесбуху замастырим...

– Век не забудешь, – хихикнула вторая. – Сухостой на месяц гарантируем!

В. В. посмотрел на них, рассмеялся:

– Ох, кисульки... Где же вы были десять лет тому назад?

– В детсаду, козел старый!.. – обиделись юные проституточки.

И пошли дальше, хохоча хриплыми голосками...

Но в это время вокзальные динамики объявили:

– Начинается посадка в поезд номер один «Красная стрела». Третий перрон, правая сторона. Повторяем...

Тут же открылась дверь вагона, и уже подошедшим пассажирам гордо явился проводник во всем своем железнодорожном блеске – без рукавиц, без рабочего синего халата, в фуражке и тщательно отутюженной униформе.

У дверей вагона В. В. стоял первым.

– Ваш билет, – бесстрастно проговорил проводник, сучающе глядя сквозь В. В.

В. В. протянул ему билет.

– Шестое купе, место одиннадцать. Следующий!

Проводник даже не посторонился, чтобы пропустить В. В. в вагон. Рассчитывал, что старик в красной рубашке и вытертых джинсах обойдет его стороной и только потом шагнет в тамбур.

Это была последняя капля, переполнившая чашу смирения В. В.

Он придвинулся вплотную к проводнику и тихо сказал ему на ухо так, чтобы никто не слышал:

– Ты, сучонок, тебя мама не учила вежливости? Прими в сторонку, жлоб с деревянной мордой!

Проводник испуганно посмотрел на В. В., моментально отшатнулся от прохода в вагон, робко проговорил:

– Пожалуйста, проходите... – И с перепугу повторил: – Ваше место одиннадцатое, шестое купе.

– Спасибо, дружочек! – громко поблагодарил проводника В. В.

Уже из тамбура радушно улыбнулся проводнику и всем пассажирам, еще стоявшим на перроне.

– Как все-таки приятно в кои-то веки посетить родину и убедиться – насколько все изменилось к лучшему! Стаканчик чистенький потом принесешь в шестое купе. Понял?

– Слушаюсь, – вконец перетрусил проводник.

Коридор вагона «Красной стрелы»

...а В. В. уже шел по чистенькому пустынному коридору вагона к своему купе.

...Наверное, именно тут мы увидим выражение непоправимого отчаяния на лице семидесятипятилетнего В. В. и впервые услышим то, о чем он сейчас подумал: «...Господи!.. Гнусная, омерзительная, пошлая старость!.. Всего каких-то пятнадцать лет в минус – и те молоденькие профурсетки сгодились бы, и хаму-проводнику нюх бы начистил в лучшем виде!...»

С этой невеселой мыслишкой В. В. открыл дверь шестого купе и не смог скрыть удивления...

...обнаружив в своем купе соседа!

Как он сумел оказаться там раньше В. В. – уму непостижимо!

Двухместное купе вагона «Красной стрелы»

Соседу было лет двадцать пять – двадцать семь. Длинные светлые вьющиеся волосы почти ложились на широкие плечи дорогого и модного пиджака. Парень был одет с хорошим вкусом, без карикатурного перебора – золотых цепей, перстней, крестов и могоновидов. Все было в меру и очень даже недешево.

Помимо всего, этот почти двухметровый, голубоглазый, спортивного склада парень был красив, но какой-то странной, чуточку женственной красотой...

Как только В. В. появился в дверях купе, парень тут же встал, приветливо поклонился, улыбнулся и сказал мягким, приглушенным голосом:

– Добрый вечер.

– Здравствуйте, здравствуйте! – слегка растерянно ответил ему В. В. – Ну, прежде всего, я был свято убежден, что прорвался в этот вагон самым первым, из-за чего чуть не сцепился с довольно хамоватым проводником...

– А во-вторых? – весело спросил могучий парень.

– А во-вторых, уверен был, что моим соседом окажется какой-нибудь немолодой генерал штабного разлива. Когда-то в «Стреле» мне очень везло на таких генералов.

Парень усмехнулся:

– В настоящий момент Министерством обороны планируется большое генеральское увольнение. И все наши доблестные ребята-генералы затаились, чтобы не привлекать к себе внимания и не оказаться в Чечне или в списках сокращения высшего командного состава.

– Ах вон оно что... – пробормотал В. В., уселся на свой диван и стал нащупывать в сумке бутылку с «Бифитером». – Интересненько...

– Но если вы того желаете, – сказал парень с голубыми глазами и длинными светлыми волосиками, – я могу прошвырнуться по вагонам, отыскать вам генерала и тут же поменяться с ним местами. Чтобы не разрушать ваши давние привычки ездить в «Стреле» с генералами.

– Ну уж дудки! – тут же возразил В. В. – Но вы можете прошвырнуться к проводнику и взять у него два чистых стакана. Я, правда, уже велел ему их принести, но если вы за стаканами сами смотаетесь – буду вам очень обязан. Уж больно не хочется видеть его рожу, а тем более затягивать процесс нашего с вами знакомства. Как говорится – «...а у нас с собой было!»

И В. В. торжественно водрузил на столик бутылку джина. Парень внимательно посмотрел на В. В., снова улыбнулся и пугающе грациозно, может быть, даже излишне женственно проскользнул мимо В. В. в вагонный коридор.

В. В. слегка ошарашенно поглядел ему вслед и подумал: «О черт!.. Неужели голубой?! Как жаль... Такой классный

образец настоящего мужика – и на тебе... Голос какой-то... со странными модуляциями... Я не против... Пожалуйста! Можете трахать кого угодно – хоть козу, хоть собачку Жучку. Главное, чтобы мне, как пишут в объявлениях, „интим не предлагать!“... Хотя кому я могу быть нужен?...»

Без единого рывка, без малейшего перелезга буферных сцепок вокзальный перрон с провожающими, носильщиками и бдительными милиционерами, по-свойски болтающими с юными проститутками, тихо поплыл назад к Москве.

В. В. посмотрел на часы – было ровно одиннадцать пятьдесят пять.

В эту секунду в дверях купе возник молодой сосед В. В.

В одной руке он держал металлический подстаканник со стаканом горячего чая, в другой – чистый стакан без чая и подстаканника.

– Как понимаете, ни льда, ни тоника достать не удалось, – сказал он. – Зато когда проводник узнал, что моим соседом по купе будете вы, он посоветовал мне быть предельно осторожным! Кажется, он принял вас за главаря какой-то преступной группировки, едущего в Петербург на слет воров в законе. При этом он ссылаясь на свой богатый железнодорожный опыт.

– Тоже неплохо, – сказал В. В. – Оставим его в этом престелном заблуждении. Телевизионные бандитские сериалы делают свое большое и нужное для народа дело! Кстати, а почему вы не принесли себе чистый стакан? Вы не собирае-

тесь составить мне компанию?

– Не пью, – виновато улыбнулся парень. – Я, с вашего разрешения, – чайку. Не возражаете?

В. В. налил себе полстакана джина, убежденно и чуточку презрительно произнес:

– Сейчас вы скажете, что еще и не курите.

– Не курю, – ответил парень и по-женски откинул волосы со лба.

И СНОВА МЫ УСЛЫШИМ ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС В. В.

«Точно! Голубенький... Как жалко!.. Такой превосходный тип молодого самца и... педик! Ну надо же!» – подумал В. В.

Парень внимательно посмотрел на В. В. и весело рассмеялся:

– Да нет же! Я совершенно нормальной ориентации. Не пугайтесь.

От неожиданности В. В. одним глотком маханул все содержимое стакана, откашлялся, перевел дух и только после этого обалдело уставился на своего соседа по купе:

– Батюшки светы!.. Что делается?! Чтение мыслей на расстоянии?! Это у вас наследственное или благоприобретенное?

– Понятия не имею.

– Вы из цирка? – спросил В. В., оглядывая мощную фигуру парня.

– Нет.

– Эстрада? – спросил В. В. и налил себе еще полстакана.

– Ни к тому, ни к другому я не имею ни малейшего отношения.

– О черт... – В растерянности В. В. поднял стакан. Но парень поморщился и своей огромной лапой удержал руку В. В. со стаканом.

– Да погодите вы. Что же вы так джин глушите? Хоть чем-то закусить... Ну разве можно так? Сейчас, сейчас...

Он вытащил из-под столика красивый кожаный портфель и достал из него большое и румяное яблоко.

– Закусывайте. Мытое.

В. В. выпил, захрустел яблоком. Сказал с полным ртом:

– Тогда вы – врач-психиатр, владеющий всякими гипнотическими штуками! Или как там у вас они называются?.. Такой омоложенный и улучшенный вариант Кашпировского. Да?

– Нет.

В. В. разозлился:

– Кто же вы тогда, елки-палки, чтоб не сказать хуже?!

Парень задумчиво посмотрел в черное окно, как-то странно пожал плечами, будто и сам не ведал – кто он, негромко проговорил своим странным голосом:

– Как вам сказать? Я... Я в меру своих сил и возможностей охраняю людей.

– То есть вы руководите некой, как теперь говорят,

«охранной структурой»? – попытался уточнить В. В.

– Как вы сказали? – переспросил парень.

– Я предположил, что вы возглавляете какое-то охранное бюро.

Парень слегка задумался, потом поднял на В. В. свои голубые девичьи глаза.

– Да, что-то в этом роде.

– Слушайте! – спохватился В. В. – Я вам совсем заморочил голову. Мы даже не представились друг другу. Я...

Но парень весело перебил В. В.:

– Вы – Владимир Владимирович. Я только сейчас понял, с кем я разговариваю. Я недавно прочитал одну вашу книжку про говорящего кота, и на обложке была ваша фотография! Верно?

– Верно, – ответил В. В. и плеснул еще немного джина в свой стакан. – А как зовут вас?

– Ангел.

– Как?!

– Ангел. В Болгарии очень распространенное имя.

– Так вы болгарин?

– Нет.

– Ага... – тупо проговорил В. В. и выпил. – А как вас мама называла? Я имею в виду ласкательную форму этого имени.

– У меня нет матери.

– Но ведь была когда-то?

– Наверное. – Парень пододвинул недоеденное яблоко по-

ближе к В. В. – Вы закусывайте, Владим Владимыч.

– Хорошо, хорошо... – В. В. снова взялся за яблоко, но продолжил свое хмельное наступление: – Слушайте! Вы меня, конечно, простите, но старики моего возраста, особенно когда переваливает за семьдесят, обычно чудовищно бестактны! Особенно когда они – под банкой! Им всегда кажется, будто им в жизни что-то недодали, и поэтому позволяют себе... Короче, я НЕ являюсь интеллигентным исключением. Как называют вас барышни в минуты близости? Ну не говорят же они вам: «Ангел мой!..» Наверное, существует какая-то уменьшительная форма?..

– Да нет, – тихо проговорил Ангел. – Так и говорят.

– Как?!

– Ну, как вы сказали... Иногда говорят: «Мой Ангел...» Но вообще-то, Владим Владимыч, я – ничейный Ангел. Я уже давным-давно никому не принадлежу. С детства. Так сказать, Ангел – сам по себе. Единица совершенно самостоятельная.

– По-моему, вы меня загнали в какой-то бездарный словесный тупик! – раздраженно произнес В. В. и налил себе в стакан немного джина.

– Наоборот, Владим Владимыч! Я вас из этого тупика пытаюсь вытащить, – рассмеялся Ангел.

В дверь купе постучали.

– Да-да! Пожалуйста... – сказал Ангел и сам открыл дверь.

Стараясь не смотреть на В. В., в проеме дверей стоял проводник:

– Еще чайку не желаете? – осторожно сказал он Ангелу, а глазами показал на В. В., безмолвно вопрошая – все ли в порядке?..

– Спасибо, пока не нужно. У нас все прекрасно, – успокаивающе улыбнулся ему Ангел.

Закрыв за проводником дверь и спросил у В. В.:

– Чем это вы его так запугали?

– Ах, Ангел!.. Этот наглый и трусливый засранец – классический слепок с крохотного хамоватого советского чиновничка, упивающегося своей трехсекундной лилипутской властью. Я там на перроне не сдержался и рявкнул на него, вот он и вообразил себе бог знает что... А так я уже давно ничем никого напугать не могу.

– Не кокетничайте, – улыбнулся Ангел. – Судя по тому, с какой легкостью в вас проваливается этот напиток, – вы еще в превосходной форме!

– Ах, если бы!.. – В. В. налил себе в стакан еще немного джина. – Недавно в Мюнхене, на кинофестивале, куда я забрел всего лишь из стариковского любопытства, со мной произошел забавный случай. Я выпивал в буфете с одним знакомым критиком, как вдруг ко мне подошел громадный толстый человек, в котором я с трудом и ужасом узнал некогда худенького провинциального паренька, некогда перебравшегося в Москву с целью покорить столицу своими

посредственными эстрадными хохмочками. И ведь покори́л, сукин кот!

В. В. выпил джин и понюхал остаток яблока.

– Так вот – он заключил меня в объятия, ласково прижал к своему необъятному животу, расцеловал и тихо спросил: «Ну как поживаешь, предатель родины?» – В. В. грустно поглядел на оставшийся в бутылке джин и горько признался: – И знаете, Ангел, я так и не нашелся, что ему ответить... Наверное, теперь я уже всего лишь сочинитель, а не боец. Потом я даже представил себе, что мог бы сказать какой-нибудь герой моей повести в ответ на такую шуточку. Думаю, что если бы он не шарахнул сразу этого пошляка бутылкой по башке, то, скорее всего, презрительно напомнил бы этому разжиревшему халамендрику, что за эту родину он шестнадцатилетним мальчишкой уже воевал с сорок третьего, а потом полгода валялся по медсанбатам и госпиталям... И дослуживал в армии до пятьдесят четвертого, летая на самых строгих военных самолетах... Он, этот киевский пошлячок, еще и на свет не родился, когда я... Впрочем, так мог бы сказать мой герой, которого я сам выдумал, пристегнув ему кусочки собственной жизни – такой путаной и разнообразной, что ему, этому говнючку от кинематографа, и не снилось! – В. В. хлебнул из горлышка и печально добавил: – За последние годы я так постарел, что теперь вынужден передоверять защиту собственной чести и всего, что мне дорого, – моим героям. Мною же придуманным персонажам. И когда

они совершают то, что еще совсем недавно я с наслаждением сделал бы сам, – я успокаиваюсь...

Ночь. Мчится «Красная стрела» в Санкт-Петербург...

Освещенные окна вагонов проносающегося поезда гаснут одно за другим.

Грохочут колеса состава...

Черными силуэтами мелькают на фоне сизо-фиолетового ночного неба пролетающие мимо кроны деревьев.

Желтыми ниточками струятся назад огоньки далеких и неведомых поселений...

В нашем вагоне, в котором едут В. В. и Ангел, погасли почти все окна.

Кроме окна шестого купе...

И если бы нам удалось приблизиться к рвущемуся вперед вагону и на ходу заглянуть из ночи в это окно...

...мы увидели бы, как могучий Ангел переодевается в веселенькую пижаму и ложится на свою постель, достает из портфеля очки, газету...

...В. В. аккуратно наливают в стакан немного джина...

...и они продолжают о чем-то очень увлеченно болтать.

Шестое купе Ангела и В. В.

– Когда-то я неплохо знал такой предмет, как «теория полета», – говорил В. В., внимательно разглядывая мощную фигуру Ангела. – И путем нехитрых прикидок: массы вашего тела – килограммов девяносто, «силы тяги» для такого веса, оптимальных «углов атаки» крыла, вектора «подъемной силы» с учетом возможного «лобового сопротивления», – размах ваших ангельских несущих плоскостей – то бишь крыльев – должен быть не менее пяти метров! Если вы, конечно, действительно настоящий Ангел...

– Ну что за чушь, Владим Владимыч?! – проговорил Ангел, надевая очки и укладываясь. – От силы два – два с половиной метра...

В. В. отхлебнул джин из стакана, возмутился:

– Что вы мне вкручиваете? Это на ваши-то девяносто килограммов веса?!

Ангел приподнялся на локте, посмотрел на В. В. поверх очков:

– На какие девяносто? Когда крылья мне были положены по штатному расписанию, во мне было всего сорок – сорок пять кило... Я был ребенком. Что-то вроде сегодняшнего пятиклассника. А вы – «пять метров», «пять метров»... В то время мне такими крыльями и не взмахнуть было бы!

В. В. молча, в упор посмотрел на Ангела и подумал: «Или

этот сукин сын вешает мне лапшу на уши, или...»

– Никто вам лапшу на уши не вешает! – недовольно сказал Ангел. – Вы спросили – я ответил.

Тут В. В. совсем обозлился:

– Немедленно прекратите демонстрировать мне свои паранормальные фокусы! И не смейте подглядывать за моими мыслями!!!

– Да ради всего святого, – досадливо ответил Ангел и уткнулся в отдел происшествий «Московского комсомольца».

– Простите... – устыдился В. В. – Я, наверное, слегка перекушал.

– Да нет же, – сказал Ангел. – Вы на удивление в прекрасной форме. Но когда вы начинаете выдумывать обо мне всяческие небылицы, да еще и пытаетесь обосновать их своей примитивной теорией полета, которая ко мне не имеет никакого отношения, я просто обязан уберечь вас от ваших же заблуждений. В конце концов, это мой профессиональный долг!

– Какой еще «профессиональный долг»?! – удивился В. В.

– Обыкновенный. Ангельский. Так сказать, долг нормального ангела-хранителя.

В. В. плеснул себе немного джина в стакан и, словно впервые осознав, кто его сосед, осторожно спросил:

– Слушайте... Так вы что... В самом деле? Этот... Ну как его? Ангел?!

Ангел отложил газету, поднял очки на лоб, посмотрел на В. В. голубыми, широко расставленными глазами. Ответил негромко, внимательно наблюдая за реакцией В. В.:

– Да, я – профессиональный Ангел. Но не в классическом представлении образа, который веками складывался у верующих и страждущих. Кстати, в образе которого я и сам пребывал почти тринадцать земных лет, когда беззаветно служил Единой Вере и был одним из лучших учеников Господа. Пока не усомнился в его непререкаемой канонической правоте...

В. В. выпил, потрясенно пробормотал:

– Батюшки-светы!.. Так вы еще и отступник?! Так сказать, Ангел-расстрига?.. Ничего себе уха!

– А что вас так удивляет, Владим Владимыч? – глядя на В. В. поверх очков строгими голубыми глазами, сказал Ангел. – Чем вас так поразило мое «отступничество»? Что вас так шокировало во мне – рядовом Ангеле, когда на ваших глазах происходит такое всеобщее и великое «вероотступничество», которого никто даже и предположить не мог! Так что мой пример должен вас только позабавить, не более. Что это может вас так удивить, когда официально открыт ежедневный сезон охоты друг на друга, в котором гибнут сотни тысяч людей во всем мире, а виноватых в этой кровавой бойне охраняет такое количество натасканных волкодавов, что к ним и не подступиться... Разве только внутри их собственной стаи один перегрызет глотку другому своему собрату по

общему воровскому делу. А вас не удивляет, что все эти ребята, будто по команде, стали истерически возводить храмы Господни, неумело креститься, кликушествовать со свечечками в руках и фальшиво отпевать ими же убиенных?.. И уж коль все это происходит на ваших глазах, дорогой Владим Владимыч, чего уж вы так поразились моей утрате веры во всемогущество Господа?

– Да слышал я это уже все, Ангел! – раздраженно ответил В. В. – Сотни раз слышал... От ленинградских и московских приятелей, от нью-йоркских, лос-анджелесских и мюнхенских эмигрантов, от себя, любимого, наконец!..

– Так если это для вас не новость, какого же... извините!... вы так взъерепенились?

В. В. злобно приподнял бутылку: джина там оставалось на доньшке – сантиметра два, не больше.

– Доступно объясняю! – потряхивая почти пустой бутылкой, нервно проговорил В. В. – Мне неприятно, что вы – молодой, здоровый парняга – несете мою страну по пням и кочкам и этак укоризненно поглядываете на меня своими голубыми глазками. Дескать, перед вашими очами, уважаемый Владимир Владимирович, все это происходит, а вы в это время сидите в своем чистеньком, ухоженном Мюнхене, в ус себе не дуете и сочиняете сказочки про говорящих котов!..

– А вас действительно в этом мире все так уж устраивает?

В. В. был достаточно пьян и поэтому резко ответил Ангелу:

– Это вы, сударь, спустились к нам на землю откуда-то из-под заоблачных высот, а я тут семьдесят пять лет прожил!.. Так что мои претензии к моей стране посерьезнее ваших! Только не вздумайте мне пудрить мозги и утверждать, что все это вы осознали и ощутили в себе еще в щенячье-ангельском возрасте Божьего пятиклассника сорока килограммов весом. А то, помню, в Мюнхене на радио «Свобода» я встречал одну бывшую мосфильмовскую поблядушку забальзаковских лет, которая всерьез убеждала всех, что ненависть к советской власти и ко всему русскому она почувствовала еще в детском саду, сидя на горшке...

Вот тут Ангел утратил свою интеллигентную сдержанность и мягкость. Он сдернул очки с носа и захохотал. Даже закашлялся от смеха.

От этого ему пришлось подняться и сесть напротив В. В.

– Нет, правда?! – в восторге спросил он.

– Правда, правда, – проворчал В. В., выливая остатки джина в стакан.

– Яблочко. – Ангел глазами показал на разделявший их столик.

Там лежало большое прекрасное целехонькое яблоко!

– Вам бы в цирке работать, – проворчал В. В. и выпил, закусив этим неизвестно откуда взявшимся яблоком.

– Для цирка эти трюки мелковаты, – возразил Ангел.

В. В. с сожалением опустил пустую бутылку под столик, осторожно спросил:

– А выпивки вы не могли бы мне грамм сто спороворить? «Бифитер» не обязательно. Можно «Гордон», можно и подешевле... А то у меня тут еще пол-яблочка без дела завалялось.

– Нет, – мягко улыбнулся Ангел. – Алкоголь у нас обычно идет по... несколько иной линии. Я бы сказал – по противоположной.

В. В. отставил в сторону пустой стакан и настырно заявил:

– Жаль, жаль... Очень жаль! А я так надеялся на вашу «ангельскую» доброту и профессиональную готовность помочь страждущему...

Но Ангел только улыбнулся сочувственно и внимательно посмотрел на В. В.

И ТУТ МЫ УСЛЫШИМ ТО, О ЧЕМ ВДРУГ НЕОЖИДАННО ПОДУМАЕТ В. В.: «А может, действительно чайку бы сейчас крепенького? „Эрлгрейского“! С лимончиком. Да еще бы из моей старой толстой фаянсовой кружечки... А джин там, или виски, или даже коньячок – ну их к лешему!.. Так вот надерешься на ночь, задрыхнешь, а сердечко во сне возьмет да и остановится. То-то Ирешке хлопот потом... Да и дел еще невпроворот. Катюшку повидать нужно... И себя, родимого, жалко до слез...»

– Ну вот и ладушки, – тепло улыбнулся Ангел. – Пейте, пейте свой «Эрл Грей», Владим Владимыч. Только осторожней – не обожгитесь. Горячий! И лимончик не забудьте...

И тут В. В. увидел, что на купейном столике перед ним

неожиданно возникла его любимая старая толстая фаянсовая чашка с крепким горячим чаем. А на блюдечке – сахар, аккуратная долька лимона...

– Ну знаете! – потрясенно сказал В. В. – Дэвид Копперфильд может повеситься от зависти... Или это тоже из разряда «мелких трюков»?

– Что, Владим Владимыч? – невинно спросил Ангел.

– Да все вот это! И то, что мне вдруг выпить расхотелось, и чай – именно «Эрл Грей»... И кружка моя любимая фаянсовая... Я эти трюки имею в виду!

– Нет, – сказал Ангел, – это уже не трюки. Это я бы квалифицировал как нечто инстинктивно-профессионально-охранительное. Чем мне, по существу, и положено заниматься.

В. В. опустил лимон в чай, положил туда сахар и, помещивая ложечкой, хрипловато промурлыкал:

...И тогда с потухшей елки
Тихо спрыгнул желтый Ангел
И сказал: «Маэстро, бедный,
Вы устали, вы больны...»

Ангел усмехнулся:

– Простим старика Вертинского. Стишата, прямо скажем, не фонтан. И категорически не про вас. Надеюсь, вы человек не бедный, а судя по тому, сколько вы выпили на моих глазах, вашему здоровью может позавидовать любой крепкий мужик!

– Все, все! – прихлебывая горячий чай, расслабленно проговорил В. В. – Завтра с утра начинается светлая, радостная и абсолютно трезвая жизнь...

– Ну-ну, – одобрительно сказал Ангел и улегся на свое место.

Он вооружился очками и стал проглядывать «Московский комсомолец».

А В. В. пил чай, смотрел в ночную черноту за окном и думал: «...встретит меня внучка Катерина или нет?.. Наверное, встретит... Катька – существо умненькое, хитренькое и горячо любимое нами. Мы ее, конечно, немного придумали для себя, но... Кто не сочиняет для себя любимых, пусть первый бросит в меня камень!»

– А сколько лет вашей внучке, Владим Владимыч? – спросил Ангел.

– А откуда это вы знаете, что у меня есть внучка?

– Но вы же только что о ней думали, – пожал плечами Ангел.

– Восемнадцать, – напряженно ответил В. В.

– Чего это вы так вдруг насторожились, словно я пытаюсь посягнуть на честь вашей внучки Кати? – удивился Ангел.

– Ах, вам даже известно, что ее зовут Катя?

– Естественно.

– Боюсь, что разочарую вас – наша Катя давно и совершенно самостоятельно распоряжается своей «честью». Поэтому меня уже ничего напугать не может! И вообще, давайте сме-

ним тему. Вот объясните мне, старому, ни во что не верующему сочинителю: почему это вы – Ангел – поездами ездите? Куда же девался старый, добрый ангельский способ передвижения? Так сказать, «по небу полуночи ангел летел...», а? И, кстати, где ваши крылья, Ангел?

Ангел мягко улыбнулся, поднял очки на лоб, повернулся к В. В.:

– Ну прямо как в записных книжках Ильфа: «...Где же твои крылья? – У меня отобрали крылья...» Так вот, Владим Владимыч, крыльев я был лишен много лет тому назад. Как вы сами изволили выразиться, именно в «щенячье-ангельском возрасте».

В. В. откровенно зевнул. Спросил без малейшего интереса:

– За что крылышки-то отобрали? За неуспеваемость?

– Да нет. Там историйка была позабавнее. Если хотите – могу поведать. Вдруг вам пригодится? Как литератору...

– О, черт вас подери!.. – в отчаянии воскликнул В. В.

– Вот это уже совсем ни к чему, – строго сказал Ангел.

– Простите... Но если бы вы знали, Ангел, сколько раз в своей литераторской жизни я слышал эту фразу!.. Почему-то все свято убеждены, что их существование в этом мире уникально и требует немедленного отражения в любой форме изящной словесности! И когда им случайно встречается какой-нибудь писатель, сценарист или журналист...

– О Боже!.. Ну не хотите – не слушайте, – досадливо ска-

зал Ангел.

– Я не о конкретном случае, я – вообще. Знаете, откуда это? Еще из советских времен, когда с экранов и театральных сцен мудрые седоусые рабочие учили уму-разуму главных инженеров, а деревенские дедушки в лапоточках балагурили философскими сентенциями... Вколотили в головы совбедалагам, что «искусство всегда в долгу перед народом». Бросили эту тухлую косточку двухсотмиллионной толпе своих граждан в компенсацию за все их унижение и несправие, а эта несчастная толпа взялась всерьез эту косточку мусолить. Господи!.. Сколько же поколений должно прожить Свою Жизнь, чтобы окончательно избавиться от этой вонючей и лживой шелупони?!

– Минимум – три, – тихо сказал Ангел. – Одно уже выросло. Осталось два. Но я и не пытался всучивать вам сюжетец, Владимир Владимирович. Мне просто причудилось, что вам это может показаться любопытным.

– Простите меня, Ангел! Извините меня – старого и подозрительного дурака...

– Что вы, что вы, Владим Владимыч! – Ангел озабоченно посмотрел на свои модные и очень дорогие часы. – Батюшки, и вправду – поздно-то как! Спать, спать, спать! Недосып вреден в любом возрасте. А то завтра утром на перроне ваша внучка Катя может вас и не узнать.

– Ну уж дудки! Валяйте свою историю, Ангел. Только я прилягу, с вашего разрешения, – решительно возразил В. В.

– Конечно, конечно. Ложитесь и, мало того, выключите над собой свет и прикройте глаза. О'кей?

В. В. улегся, погасил ночник и рассмеялся:

– О'кей, о'кей, Ангел! – и прикрыл глаза.

Поначалу затихли перестуки колес...

...а потом стали исчезать и все остальные железнодорожные звуки, оставляя лишь убаюкивающее покачивание вагона...

– Так лучше? – откуда-то прозвучал голос Ангела.

– Да... – слабо откликнулся В. В. из полудремы.

Стенки купе стали потихоньку раздвигаться...

...потолок начал уходить вверх, в светящуюся небесную голубизну, подернутую белесой облачной дымкой...

...Дверь, окно и столик расплылись в светлом облачном тумане и потеряли свои реальные очертания...

Только дремлющий, полупьяный, усталый В. В. лежал на своем месте.

Но и его постель словно парила в воздухе, а мимо нее медленно проплывали клочковатые обрывки облаков...

И во всей этой неожиданной, фантасмагорической обстановке откуда-то сверху, из заоблачных высот, с легкой реверберацией прозвучал тихий голос Ангела:

– Наверное, вам известно, что в христианстве существует девять строгойше иерархических «ангельских» чинов?.. Так

называемые Три Триады. Первая – Серафимы, Херувимы и Престолы... Вторая – Господства, Силы и Власти... Третья – Начала, Архангелы и, наконец, Ангелы.

Сонный и нетрезвый В. В. плыл в негустых облаках, лежа на своем вагонном диванчике.

Он с трудом приоткрыл соловые глаза, иронически пробормотал:

– Понятия не имел. Но во всем этом есть что-то армейское...

– Пожалуй, – согласился голос Ангела. – Если помните описание загробно-райской системы у Твардовского в поэме «Теркин на том свете», то смею вас заверить, что Александр Трифонович очень верно воссоздал подлинную небесную обстановку и схему внутренних отношений...

В. В. с трудом превозмог сонно-алкогольный анабиоз, добавил:

– По тому времени, Ангел... Кстати, где вы?

– Я тут, неподалеку. Что вы хотели сказать?

– Я хотел сказать, что тогда «Теркин на том свете» был очень смелой и превосходной пародией на всю систему советской власти, – слабым голосом сказал В. В.

– И одновременно – точным слепком с нашего запредельного мира! – где-то произнес Ангел. – Свидетельство тому – мои самые яркие детские воспоминания...

Не открывая глаз, В. В. даже попытался сострить:

– В каком же качестве вы там пребывали? Как «Сын свя-

того полка»?

– Нет, – прозвучал спокойный голос Ангела. – Я был одним из лучших учеников Школы ангелов при третьей ступени Третьей Триады. Звучит несколько нелепо, но иначе и не скажешь.

– Забавненько... – В. В. даже попытался ухмыльнуться во сне.

Но именно в эту секунду стали происходить уж совсем невероятные вещи...

Небо. Школа ангелов. Совсем иное измерение...

Над нашими головами теплое солнечно-голубое небо...

Плотные прелестные белые облака, на которых, как на какой-то земной лужайке, расположена очаровательная игровая площадка для малышей...

Маленькие – лет четырех-пяти Амурчики и Купидончики, с небольшими трогательными крылышками, одеты в белоснежные с золотом хитончики.

В их пухлых ручках зажаты маленькие золотые луки и стрелы, и они весело стреляют по мишеням...

...фанерным фигурам Адама и Евы, с нарисованными на них большими красными сердцами, похожими на красные яблоки, которыми Ангел недавно угощал В. В.

Откуда-то слышался голос Ангела, объясняющего старому В. В. порядок и структуру обучения в Школе ангелов-хранителей:

– Преподавали нам старые и опытные ангелы-хранители, которые в свое время были вынуждены перейти на педагогическую работу. Кто по возрасту, кто по здоровью. Ибо работа ангелов-хранителей на Земле с Людьми – труд невероятно тяжелый! От общения с Человеком, от попыток оградить его от кучи мелких и больших неприятностей, порой –

смертельных, нервное напряжение самих ангелов-хранителей обычно достигало критических точек, когда уже требовалась немедленная реабилитация. Это несмотря на то, что два раза в год все практикующие ангелы-хранители проходили обязательный курс оздоровительной диспансеризации. Но этого оказывалось недостаточно, и в конце концов вымотанный ангел-хранитель со временем был просто вынужден сменить поле деятельности...

...Весело трепеща крылышками, Амурчики и Купидончики с удовольствием расстреливают фанерные мишени с изображением Адама и Евы...

Их тренер – пожилой, благообразный крылатый ангел с настоящим спортивным олимпийским луком и колчаном, полным настоящих стрел, – поправляет малышей, радуется их метким выстрелам, огорчается их неудачам...

А малыши – Амурчики и Купидончики – ведут себя точно так же, как и все их земные сверстники в обычном детском саду...

...Далее, на этих очень плотных и белых облаках под теплым солнцем, совсем как в образцовой и дорогой частной Земной школе, стоят прекрасные белоснежные парты, за которыми сидят старшие мальчики...

И привычная школьная доска, и все учебные пособия, которые в обычных Земных классах висят на стенах или сто-

ят на полу, здесь, в Школе ангелов-хранителей, просто висят в воздухе, переплывая с места на место по мановению пожилого Ангела-Педагога с поредевшими и пожелтевшими от старости обвисшими крыльями...

А в это время мы слышим голос нашего Ангела:

– ...кто-то из стариков ангелов-хранителей вступал на канцелярско-административную тропу, кто-то на преподавательскую работу в начальное и среднее отделение нашей Школы...

Вот маленький, хулиганистый Купидончик подлетел к мишени «Ева» и, пользуясь тем, что преподаватель стрельбы из лука не видит его, перевешивает яблоко в виде сердца с груди Евы на ее причинное место...

И тут же, к ужасу ангела-воспитателя, с десятков золотых стрел точно вонзаются в это «яблоко Евы»!!!

Голос нашего Ангела:

– ...в начальном училище совсем малолетки. Готовили из них Амуров и Купидонов, а на среднее отделение отбирали мальчиков от восьми до двенадцати лет. Ну, как в Петербургскую хоровую капеллу...

За партами Небесного класса сидят десятка два старших мальчиков. Они тоже в хитонах, с крыльями, но в кроссов-

ках...

Внимательно слушают своего педагога – Старого Ангела, бывшего Хранителя. У него доброе, умное лицо, живые внимательные глаза.

Голос нашего Ангела:

– ...Мы были распределены по самым разным специализациям. В результате строгого психологического отбора, с учетом необходимых физических данных, я был зачислен на поток ангелов-хранителей. Мне очень повезло. Я попал в класс одного удивительно интеллигентного и мудрого пожилого Ангела.

...тихо плывет по небу диван из шестого купе спального вагона поезда «Красная стрела». Лежит на нем полупьяненький, старый В. В., весь в облаках.

При последних словах Ангела В. В. неожиданно открывает глаза и приподнимается на локте:

– Ну-ка, ну-ка! Хотел бы я посмотреть, как выглядели вы в столь нежном сорокакилограммовом возрасте!..

В. В. вглядывается в сидящих за белыми партами мальчиков и безошибочно узнает в восьмилетнем ангелочке своего соседа по купе!

– Узнали? – откуда-то спрашивает наш Ангел.

– Конечно! Валяйте дальше вашу историю! – В. В. снова

укладывается на свой железнодорожный диван и закрывает глаза...

– Ну, слушайте. Спустя три года обучения, когда мне исполнилось одиннадцать...

Всевышний Ангельский Ученый Совет

...Шло заседание Всевышнего Ангельского Ученого Совета Школы ангелов-хранителей.

Все ангельское руководство, свесив пожелтевшие крылья за спинки облачных кресел, сидело за огромным белым столом, ножками уходящим в нижние плотные облачные слои. Светило теплое солнце в голубом и ясном безмятежном небе...

Перед столом стоял старый и мудрый классный Ангел-Хранитель, положив руку на плечо нашего повзрослевшего, уже одиннадцатилетнего, Ангела.

Звучит голос сегодняшнего Ангела:

– ...когда мне исполнилось одиннадцать, наш Мастер обратился Наверх с просьбой предоставить мне персональную учебную практику Внизу, на Земле. Причем совершенно адресную: закрепить за мной одного неблагополучного Человека, которого я должен был бы хоть немного ограждать от его бедственных ситуаций, куда он с некоторых пор постоянно влипал. Естественно, в силу моих ученических возможностей.

Заседание Ученого Совета Школы ангелов напоминало

немое кино:

С очень недовольными лицами, Всевышний Совет был крайне обеспокоен предложением классного руководителя нашего Ангела!

Все явно выступали против.

Классный руководитель горячо доказывал свою правоту.

Видно было, как в один особо напряженный момент маленький одиннадцатилетний Ангел раскрыл было рот в возмущенном крике и решительно рванулся к столу Совета...

Но мудрый старый педагог одной рукой придержал его за крыло, а другой закрыл рот мальчику Ангелу, чтобы тот, в своем мальчишечьем максимализме, не ляпнул чего-нибудь лишнего!..

Голос нашего Ангела:

– И все-таки разрешение на мою персональную практику было получено! Сработал безупречный авторитет нашего Мастера – бывшего заслуженного Ангела-Хранителя... Мало того, Всевышний Ангельский Ученый Совет сам закрепил меня за одним совершенно конкретным Земным Человеком, с чьей семьей я неразрывно связан и по сей день.

Неожиданно стало темнеть солнечное голубое небо...

...и превращаться в потолок двухместного купе «Красной стрелы»...

Облака, на которых только что стояли маленький Ангел со

своим классным руководителем, начали преобразовываться в обычный купейный пол, затянутый синтетическим ковриком...

...а светлая бескрайняя небесная даль, словно в сказке, вдруг стала оборачиваться обычными стенами купе...

...купейной дверью с большим темным зеркалом...

...вагонным окном, задернутым складчатыми шторками...

Шестое купе вагона...

...И В. В. оказался сидящим на своем диванчике, облокотившимся на приоконный столик с пустой фаянсовой кружкой, с огрызками двух яблок.

...А взрослый, красивый и могучий Ангел лежал на своем месте и печально смотрел в темный потолок купе остановившимися глазами.

Его лицо освещал один лишь ночничок у изголовья, и В. В. видел, что в голубых глазах Ангела стояла неподдельная грусть от нахлынувших на него воспоминаний.

Со слабой надеждой В. В. вытащил из-под столика пустую бутылку, включил настольную лампу, убедился, что в бутылке не осталось и капли джина, сунул ее обратно под стол.

Спросил с нескрываемым интересом:

– А дальше?.. Что было потом?

КОНЕЦ ПЕРВОЙ СЕРИИ

Вторая серия

Ночь. Мчится в Петербург «Красная стрела»

Пролетает состав мимо спящих полустанков...

...мимо почти не освещенных платформ...

...мимо высоких водокачек, черными силуэтами врезающихся в лунное небо...

Грохочут по рельсам колеса.

Изредка подмигнет зеленый глаз светофора, отразится мгновенным бликом в проносящихся черных вагонных окнах...

...и где-то вдалеке испуганным тенорком вскрикнет встречный товарняк...

А «Красная стрела» вежливо ответит ему своим громким солидным баритоном...

Купе Ангела и В. В.

...Могучий, красивый Ангел лежал на своем месте, смотрел в темный потолок купе остановившимися глазами.

В. В. со слабой надеждой вытащил из-под столика пустую бутылку из-под джина, включил настольную лампу, убедился, что в бутылке не осталось и капли джина, сунул ее обратно под стол.

Спросил с нескрываемым интересом:

– А дальше?.. Что было потом?

– Вы не очень устали? – очнувшись, вежливо осведомился Ангел.

– У меня сна – ни в одном глазу. И вообще у меня ощущение, что я не просто слушаю вас, а вижу все, что вы мне рассказываете!..

– Так оно и есть, – подтвердил Ангел.

– Я не знаю – поймете ли вы меня, Ангел, это слишком специфично, вряд ли вы когда-нибудь с этим сталкивались... Но у меня создалось стойкое впечатление, будто я сижу в ленфильмовском или мосфильмовском просмотровом зальчике при монтажной и смотрю еще не озвученный и не смонтированный материал, только без дублей, а я, достаточно опытный сценарист, безумно хочу узнать – что же все-таки было дальше в этой истории! Понимаю: веду себя совершенно непрофессионально, но никак не могу отделаться от во-

проса – кто был тот самый «неблагополучный Человек», к которому вас послали на выручку?..

– Видите ли, Владимир Владимирович, если я сразу начну рассказывать вам именно про этого человека – вы не уясните себе всего наворота событий. Ибо это история целой семьи, начавшаяся задолго до моего появления на Земле. Рассказывать же вам всю «семейную историю» этого маленького ленинградского клана – чудовищно утомительно! – сказал Ангел.

– Для вас? – скептически спросил В. В.

– Нет. Для вас, – возразил Ангел.

– Идите вы!.. Я обожаю семейные истории! Мне осточертели наши телевизионные бандиты, братки-депутаты и зоологически завистливая ненависть к олигархам, которых в нашем кинематографе играют самые низкооплачиваемые актеры в мире! С наслаждением бы пересмотрел «Сагу о Форсайтах». Немедленно подавайте свою «семейную историю», Ангел!!!

Ангел отодвинул гофрированную занавеску, посмотрел в оконную черноту ночи и сказал:

– Ну что ж... Гасите настольную лампу, ложитесь и прикройте глаза. Как говорят в Одессе: «Вы просите песен – их есть у меня!» Сейчас вы получите уже озвученный вариант.

В. В. послушно выключил лампу, улегся и закрыл глаза. И уже откуда-то издали услышал голос Ангела:

– Чуть больше тридцати лет тому назад девятнадцати-

летняя Фирочка Лифшиц, по паспорту – Эсфирь Натановна, в миру – Эсфирь Анатольевна, учительница начальных классов средней школы, неожиданно потеряла невинность. Была, так сказать, по обоюдному согласию «дефлорирована» незнакомым ей водопроводчиком Серегой Самошниковым...

– Уже безумно интересно! – с закрытыми глазами ухмыльнулся В. В.

– Забыл спросить вас, Владим Владимыч, вы не боитесь небольшого перемещения во Времени? Примерно лет на тридцать, на сорок назад? – спросил Ангел.

– Я просто мечтаю об этом! В то время я был еще – огого!..

– Прекрасно, – сказал Ангел. – Тогда – вперед!

– Эй-эй, Ангел! – всполошился В. В. – Почему вперед?! Вы же говорили – назад... Впереди, кроме встречи с внучкой Катей, мне уже почти ничего не светит...

– Простите, ради всего святого, – виновато проговорил Ангел. – Вперед – в смысле назад – в историю, в Прошлое!

В ожидании этого прыжка из одного Времени в другое В. В. напрягся, зажмурился, и... ничего не произошло!

Только стены и потолок двухместного купе спального вагона «Красной стрелы» вдруг стали как-то странно таять, растворяться в воздухе...

...заполняться нормальным дневным светом и превращаться в...

...прихожую маленькой квартирки Лифшицев

– И пожалуйста, никаких сухомяток! Обязательно доешь бульон с клецками, – говорила Фирочкина мама Любовь Абрамовна.

– И чтоб в доме никаких посиделок! – грозно сказал папа Натан Моисеевич. – Ты меня слышишь?! Тетя Нюра будет заходить и проверять тебя. А через две недели, когда мы вернемся, она нам все расскажет.

По страдальческому лицу Фирочки было видно, как она жаждала отъезда родителей.

– Хорошо, хорошо, мамочка! Папа! Не нервничай... Отдыхайте и ни о чем не думайте, умоляю вас!

– Глядя на тебя, можно подумать, что тебе не терпится спровадить нас из дому, – грустно сказала Любовь Абрамовна.

– Мамуля, прости меня, но я просто жутко хочу в уборную!

– Ну, хорошо уже, хорошо! Идем, Люба, – говорит Натан Моисеевич.

Он поднимает большой фибровый чемодан с никелированными металлическими уголками и выносит его на лестничную площадку.

Любовь Абрамовна целует Фирочку и выходит из прихо-

жей за ним.

Фирочка облегченно поднимает глаза в потолок, словно благодарит Всевышнего за освобождение, закрывает дверь на все замки и засовы и мчится в уборную, на ходу расстегивая халатик...

ГОЛОС АНГЕЛА:

– До потери невинности у Фирочки оставались всего один час и двадцать шесть минут...

Проход по дворам и выход на улицу Ракова

Натан Моисеевич тащит тяжелый чемодан по внутренним дворам старого петербургского дома.

Любовь Абрамовна несет дорожную сумку и сетчатую авоську.

– Ты же сумасшедший! – говорит она мужу. – Ты же абсолютный мишугинэ!.. Кого ты попросил следить за Фирочкой, за твоей дочерью?!

– Как кого? Свою младшую сестру Нюру! Что, она за две недели не сможет пару раз зайти к своей племяннице?

– Если бы я знала, что оберегать нашу Фирочку ты попросишь эту блядь Нюрку, на которой пробы ставить негде, я бы тебе голову оторвала! И все остальное.

– Ай, не крути мне бейцы!.. – спокойно говорит Натан Моисеевич.

И тут они выходят из полутемной подворотни своего дома прямо на солнечный свет улицы Ракова.

Натан Моисеевич ставит чемодан на мостовую и лихо предлагает:

– Берем такси?

– Обойдемся автобусом, – говорит Любовь Абрамовна.

Натан Моисеевич безропотно поднимает чемодан, и они оба уходят в сторону Манежной площади...

Фирочкина квартира

Раздался звук спускаемой воды в уборной, и оттуда, на ходу застегивая халатик, выскочила развеселая Фирочка...

ГОЛОС АНГЕЛА:

– Так выглядело начало двухнедельного счастья Фирочкиной свободы. Фирочка даже не подозревала, что до утраты невинности, о чем она тайно и трусливо мечтала лет с тринадцати, у нее оставалось совсем немного времени – всего один час девятнадцать минут.

Но шум спускаемой воды в туалете подозрительно не прекращался.

Фирочка насторожилась, прислушалась – там, в уборной, вода склочно забулькала и отвратительно захрюкала!!!

В испуге Фирочка бросилась обратно в туалет и заглянула в горшок: уровень воды в унитазе не уходил в слив, а, наоборот, угрожающе поднимался!..

Фирочка рванула в комнату, лихорадочно стала рыться в отцовских бумагах...

...наконец отыскала затрепанную телефонную книжку, панически листая страницы, обнаружила нужный номер и стала названивать в домоуправление...

Домовая контора

Типичная домовая контора шестидесятых. Два стола, на стенках графики, социалистические обязательства, какие-то таинственные списки...

За одним столом – невзрачный, тусклый мужчина в бывшем офицерском кителе...

...за другим столом – суровая, булыжного вида женщина в крепдешине. Она и подняла трубку звонящего телефона:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.